

Карпинец А. Ю. Сельское хозяйство кузбасского региона в начале 1920-х годов: особенности развития в контексте аграрной политики РКП (б) и последствий гражданской войны / А. Ю. Карпинец, М. Г. Леухова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 353—368. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-353-368.

Karpinets, A. Yu., Leukhova, M. G. (2020) Agriculture of Kuzbass Region in Early 1920s: Features of Development in Context of Agrarian Policy of RCP (b) and Consequences of Civil War. *Nauchnyi dialog*, 2: 353-368. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-353-368. (In Russ.).

УДК 94(47).083:338.439.222(571.17)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-353-368

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КУЗБАССКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ РКП (б) И ПОСЛЕДСТВИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

© **Карпинец Алексей Юрьевич (2020)**, orcid.org/0000-0002-1711-9732, SPIN 8914-8710, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири отдела гуманитарных исследований Института экологии человека, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук»; доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), naukarpinets@mail.ru.

© **Леухова Мария Геннадьевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-5891-2737, SPIN 5271-6878, кандидат исторических наук, доцент, проректор по молодежной политике и общественным коммуникациям, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (Кемерово, Россия), leukhova@kemsu.ru.

Статья посвящена характеристике кризисных явлений в сельском хозяйстве кузбасского региона в начале 1920-х годов. Причём они анализируются в контексте последствий революции и гражданской войны. Рассматриваются вопросы динамики посевных площадей и животноводства на указанной территории. На основании анализа

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-49-420006 «Гражданская война в Кузбассе (1917—1922). Предпосылки, ход, последствия: концептуальное осмысление и реконструкция переломного периода в истории региона» и в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций». Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX — первой половине XX вв.» (№ гос. регистрации АААА-А17-117041410054-8).

статистических данных представлены объёмы и структура крестьянской запашки и регионального стада. Поднимается вопрос о соотношении природных, климатических и общественно-политических факторов в условиях сельскохозяйственного кризиса начала 1920-х годов. Новизна исследования видится в том, что впервые на основании обработки материалов статистики представлены состояние и динамика основных отраслей сельского хозяйства в кузбасском регионе (Кузбассе) в указанный период. Актуальность исследования обусловлена его научной и общественной значимостью. Первая определяется тем, что подобного рода исследование, основанное на анализе статистических данных, предпринимается впервые. Второе связано с необходимостью привлечения внимания к проблемам устойчивого социально-экономического развития сельских территорий в настоящее время.

Ключевые слова: кузбасский регион (Кузбасс); революционный процесс; гражданская война; сельское хозяйство; социально-экономический кризис.

1. Введение

Великая российская революция 1917 года открыла качественно новую страницу в истории российского общества. В результате революционных событий 1917—1919 годов, сопровождавшихся полноценной гражданской войной, государственную власть завоевала политическая партия, провозгласившая задачи радикальной трансформации страны. Военная фаза гражданской войны в кузбасском регионе завершилась в самом конце 1919 года, когда войска Восточного фронта под командованием генерала О. В. Каппеля отступили с территории Кузбасса. С конца 1919 — начала 1920 годов в кузбасском регионе началось формирование административно-хозяйственных органов новой власти, призванных реализовать политику Российской коммунистической партии большевиков (РКП (б)).

2. Реализация аграрной политики РКП (б)

Прежде всего, требовалось обеспечить продуктами продовольствия местных кузбасских рабочих. Поэтому революционная власть призвала местных сельхозпроизводителей «сдавать все излишки» продовольственных продуктов. Взамен советская власть обещала распространять в крестьянской среде мануфактурные товары по твёрдым ценам, но обещания не выполняла [Сибирский коммунист, 1920, № 7, с. 1; № 16, с. 3; № 17, с. 3]. Стоит ли удивляться тому, что местные крестьяне не спешили сдавать произведённое продовольствие, напротив, «несознательные» с точки зрения новой власти крестьяне, его укрывали, защищая свои семьи от голода. Немаловажно отметить, что крестьян волновали не только вопросы физиологического выживания, но и проблемы морально-психологического плана. В кузбасской деревне небезосновательно ходили слухи о том, что политика большевиков нацелена на полное обобществление имущества, поэтому крестьянское население региона заняло, насколько это было воз-

можным, выжидательную позицию, охраняя имевшиеся небольшие запасы продовольствия.

В результате в стране и регионе назревала патовая ситуация, когда крестьяне приостановили аграрное производство и не спешили расставаться с имеющимися запасами сельскохозяйственного труда, в то время как рабочие промышленных заведений отказывались выходить на работу голодными. Например, в июне 1920 года рабочие горняки Фёдоровского рудника Анжеро-Судженского каменноугольного района отказались спускаться в забой, требуя увеличения продовольственного пая [Кузбасс, 1966, с. 37].

Следует учесть, что в Кузбассе «голодали» не только рабочие, но и непашенные жители сельской местности, ранее обменивавшие товары не земледельческого труда на зернопродукты. К примеру, жители таёжных и притаёжных селений Мариинского и Кузнецкого уездов, не имевшие в своём распоряжении достаточного количества пахотных земель и занимавшиеся в основном промысловой деятельностью, потеряли возможность купить хлеб.

В условиях перманентного недоедания население Кузбасса в начале 1920-х годов поразил извечный спутник ослабленного организма — тиф. Таким образом, следует констатировать факт, что к началу 1920-х годов прежняя нормальная хозяйственная деятельность приостановилась, от новой власти требовался максимум усилий для того, чтобы хоть в какой-то мере наладить товарообмен между городом и деревней.

Сформированные повсеместно органы новой власти (сельские, волостные и уездные революционные комитеты) частью агитационными, а порой принудительными методами по мере сил и возможностей оперативно решали сложные вопросы. Партия большевиков была сильна прежде всего своими агитаторами, поэтому одной из важнейших задач виделась агитационная (просветительская) работа в деревне с целью разъяснения «тёмному и невежественному» крестьянству преимуществ коммунистического строя. Оперативники местной ЧК в июле 1921 года докладывали Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (ВЧК): «Крестьянская масса в целом не осведомлена ни о задачах Советской власти, ни о программе партии коммунистов. Это обстоятельство прекрасно учитывают кулачество и спекулянты» [Советская деревня, 2000, с. 300].

В условиях не вполне удовлетворительного выполнения плана продовольственных заготовок и продразвёрстки власть перешла от агитационных мер к мерам более решительным. Местные партийцы в мае 1920 года с целью изъятия у «кулаков» продуктов начинают спрашивать вооружён-

ные силы. Председатель Сиббюро ЦК РКП (б) И. Н. Смирнов рекомендовал партийно-советскому руководству на местах применять репрессивные меры в отношении уклоняющихся от развёрстки. Губпродкомиссару было предоставлено право заключать в концентрационные лагеря председателей волревкомов и волисполкомов, не справившихся с планами хлебозаготовок, а также «кулаков», игнорирующих выполнение продразвёрстки [Сибирская Вандея, 2000, с. 21—22, 24—25].

Необходимость выполнения плана продовольственных заготовок стала причиной принятия сиюминутных и непродуманных решений. К примеру, земельные пространства Томской губернии, составной (и притом большей) частью которой к началу 1920-х годов являлся Кузбасс, были отнесены Губпродкомом к территории, где площадь общей пашни волонтаристски объявлялась вдвое большей, чем площадь крестьянского посева. Дело в том, что к началу 1920-х годов земельные угодья губернии не были в точности определены, и, рассчитывая размеры налогообложения сельского населения, губернский продовольственный комитет без специальных детальных обследований задекларировал, что площадь пашенных угодий в регионе в два раза превышает площадь посева. В результате вдвойне увеличивался размер хлебного налога. Данная мера способствовала увеличению крестьянской запашки, но, одновременно с этим, дополнительным тяжёлым грузом легла на плечи и без того ослабленного крестьянского хозяйства.

Вторая ошибка продовольственных органов заключалась в следующем. Одним из первостепенных регуляторов хозяйственной жизни является система государственного налогообложения. Чрезвычайная система налогообложения в виде «грабительской» продовольственной развёрстки была заменена в регионе в 1921 году на «цивилизованный» продовольственный налог. Таким образом, продовольственная кампания 1921/22 годов была первой ординарной налоговой кампанией советской власти в Кузбассе.

На смену развёрстки пришёл налог по 11 разновидностям сельскохозяйственных продуктов: хлеб, мясо, масло, яйцо, птица, мёд, волокно, шерсть, сено, кожсырьё и пушнина. Преимущество продналога заключалось в заранее и твёрдо установленных нормах взыскания продуктов с населения. Проблема заключалась в том, что эти нормы были определены 15 июля 1921 года, когда посевы в Кузбассе находились ещё в более-менее удовлетворительном состоянии. Только в августе, когда регион уже был отнесён к категории высокого разряда по обложению, выяснилось, что грядёт очередной недород. Проливные дожди второй половины лета не позволили собрать иссушенный жарой первой половины вегетацион-

ного периода урожай. В результате Кузбасс второй год подряд оставался без ключевого продовольственного и фуражного продукта — без хлеба (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1

Уровень урожайности зерновой триады пшеницы /ржи / овса
в кузбасском регионе в период 1913—1921 годов
(измерение в пудах с десятины)

Территория / год	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Мариинский уезд	45	62	34	64	66	59	53	29	20
Щегловский уезд	73	76	39	62	53	62	58	19	21
Кузнецкий уезд	89	104	44	67	76	68	63	27	24
кузбасский регион Σ	207	242	117	193	195	189	174	75	65
кузбасский регион \bar{x}	69	81	39	64	65	63	58	25	22

Примечания: Σ — показатель суммы, \bar{x} — показатель среднего значения.

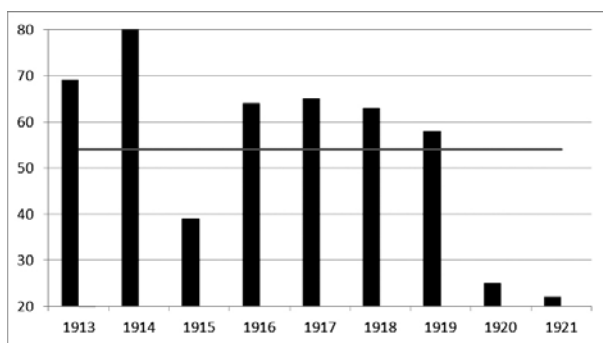

Рис. 1. Динамика урожайности зерновой триады пшеницы /ржи / овса
в кузбасском регионе в период 1913—1921 годов
(измерение уровня урожайности в пудах с десятины)

Примечательно то, что кузбасская урожайность 1920/21 годов, как в зеркале, отразила аналогичные события ровно 20-летней давности.

Как в 1900/01 годах, так и ровно двадцатилетие спустя, неблагоприятные погодно-климатические условия, повторившись дважды подряд, послужили причиной сельскохозяйственного кризиса. Вместе с тем между 1900/01 и 1920/21 годами была и существенная разница. В первом случае кризис не был осложнён социально-политическими противоречиями, как следствие — в результате правительственных дотаций, во-первых, не

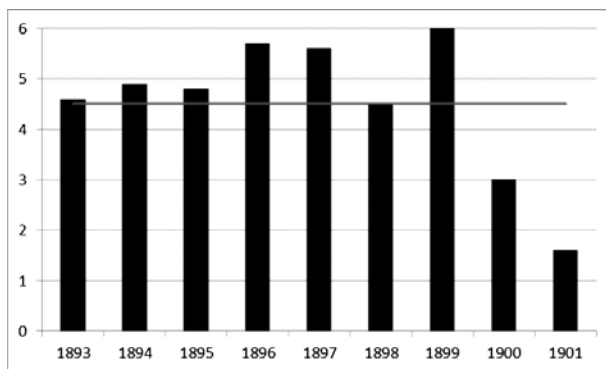

Рис. 2. Динамика урожайности зерновых культур в кузбасском регионе в сопоставимый период 1893—1901 годов (измерение уровня урожайности в «сам-столько»)

(составлено нами по: Ведомость о посеве и урожае хлебов в Томской губернии за 1893 — 1901 года [ОТГ, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902])

был столь глубок, во-вторых, был достаточно быстро и безболезненно преодолен.

Во втором случае всё было несколько по-другому. К началу 1920-х годов продовольственных запасов в регионе не было: хлебозапасные магазины были пусты. Правительственных дотаций (продовольственных и семенных) тоже не было, напротив, имело место быть повышенное налогообложение, охарактеризованное нами выше. Как результат — в регионе до минимума сократились как размеры индивидуального потребления («нечего было есть»), так и площади земельной запашки («нечего было сеять»). Указанные тезисы в полной мере иллюстрируются статистическими данными (табл. 2,3,4; рис. 3).

Таблица 2

Недостаток продовольственных хлебов в кузбасском регионе
вследствие неурожая 1920/21 годов (измерение в пудах)
[Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчёт, 1922, с. 113]

Территория	наличность	потребление	недостаток	на душу
Мариинский уезд	1195861	4566498	3370637	11
Щегловский уезд	281430	2521510	2240080	13
Кузнецкий уезд	384567	2102000	1717433	12
кузбасский регион Σ	1861858	9190008	7328150	12
кузбасский регион \bar{x}	620619	3063336	2442717	12

Таблица 3

Размер посевной площади в «кузбасских» уездах
Томской губернии в конце 1910-х годов
[Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчёт, 1922, с. 103]

Уезд / год	1916	1917	1918	1919
Мариинский	146246	165911	158223	166974
Кузнецкий	101034	105986	111115	99156
Щегловский	55545	54656	40949	91479
Кузбасс	302825	325553	310287	357609

Таблица 4

Размер посевной площади в «кузбасских» уездах
Томской губернии в начале 1920-х годов
[Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 195]

Уезд / год	1920	1921	1922	% сокращения
Мариинский	169459	100912	103000	40
Кузнецкий	81314	36786	41000	50
Щегловский	115675	87205	64000	55
Кузбасс	366448	224903	208000	45

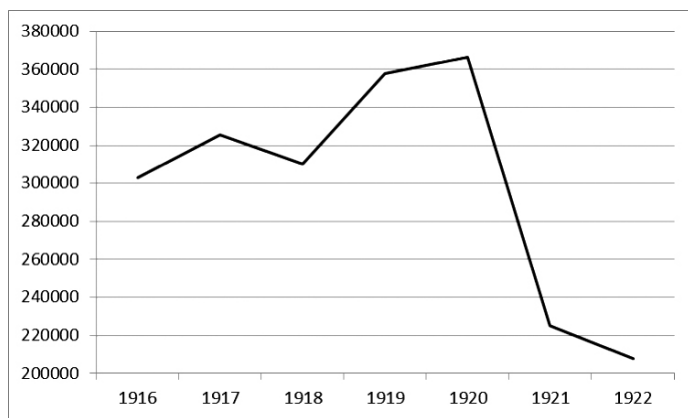

Рис. 3. Динамика посевных площадей в кузбасском регионе в период 1916 — 1922 годов

Таким образом, не социально-политические события гражданской войны, но природно-климатические катаклизмы послужили главной при-

чиной сельскохозяйственного кризиса начала 1920-х годов. Первые лишь усилили его глубину и осложнили выход из него.

3. Кризисные явления в сельском хозяйстве региона

Итак, за 1920—1922 года посевная площадь в кузбасском регионе сократилась почти наполовину. Наибольшее сокращение посевов произошло в Щегловском уезде, который выполнил первый сельскохозяйственный налог 1921/22 года всего лишь на 65 %. Посев домохозяйствами производился исключительно в размерах, способных обеспечить элементарное собственное прокормление. Если ещё в 1920 году в Мариинском уезде до двух десятин пашни засевали 15 % домохозяйств, то к 1922 году таковых стало 55 %, в Кузнецком уезде — 50 %, в Щегловском — 40 % [Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 197]. До половины крестьянских домохозяйств региона засевали минимальную пашню размером до двух десятин.

Таким образом, селяне Кузбасса в 1921—1922 годах практически перестали заниматься производительным трудом, обеспечивая лишь своё минимальное собственное пропитание. Об этом же, помимо прочего, ярко свидетельствует и изменение структуры посевов в указанные годы. Если ранее крестьяне сеяли в основном товарные хлеба, то есть пшеницу, рожь, овёс, излишки, которых можно было продать на рынке, то в 1921/22 году крестьяне в основном перешли на посев проса (пшена), которое обычно производилось не на продажу, но для собственного потребления. К 1922 году в крестьянских хозяйствах вследствие износа и обветшания сократилось количество сельхозинвентаря (табл. 5).

Таблица 5

Количество сельскохозяйственного инвентаря в 1920—1922 годах

Уезд / год	1920	1921	1922	% сокращения
Мариинский	99352	97370	95213	5
Кузнецкий	45518	44954	39809	10
Щегловский	60050	59896	48474	20
Кузбасс	204920	202220	183496	10

Вследствие указанных выше обстоятельств сельское хозяйство региона в 1922 году «приблизилось к тому роковому пределу, на котором оканчивается хозяйственная деятельность населения и начинается его деятельность по борьбе с голодом, когда хозяйствующий субъект не думает уже о расширении производства и не может сохранить его хотя бы на одном

уровне, а разрушает основной капитал для удовлетворения потребностей текущего дня».

Вслед за сокращением запашки значительно уменьшилось и поголовье скота. Отчёт Томгубэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год констатировал факт «разрушения стада, частью съедаемого самим населением, частью сдаваемого в виде продналога, что свидетельствует о печальном состоянии скотоводства». Особенно остро процесс сокращения коневодства проявился в Кузнецком уезде, ранее славившемся воспроизводством качественных лошадей для нужд сельского хозяйства. Более чем вполонину сократилась численность птицы в домашних хозяйствах региона [Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 198—199, 207—210]. До 75 %, если принять за 100 % уровень развития скотоводства в 1916 году, к 1922 году сократилось поголовье кузбасского скота (табл. 6, 7).

Таблица 6

Количество птицы в крестьянских хозяйствах
кузбасского региона в 1920—1922 годах

Уезд / год	1920	1921	1922	% сокращения
Мариинский	295574	240462	151026	50
Щегловский	282691	196096	112584	60
Кузнецкий	201486	103229	78119	60
Кузбасс	779751	539787	341729	55

Таблица 7

Динамика и структура поголовья кузбасского стада
в первой половине 1920-х годах (в сравнении с 1916 года)

Год	Лошадь	КРС	МРС	Свинья	Итого	% ↓ ↑ 1916
1916	327887	385247	367259	187520	1267913	100
1920	305029	308446	357611	167643	1138729	90 (↓)
1921	305749	311915	314447	123820	1055931	85 (↓)
1922	275713	308705	285799	70603	940820	75 (↓)

В связи с этим актуальным представляется исследование вопроса о продовольственной безопасности населения региона. В течение 1921 года губернское статистическое бюро осуществляло оперативный мониторинг «О питании населения Томской губернии в голодных условиях 1921 года». Расчёт минимальной «потребительской корзины» на тот момент времени производился специалистами Губстатбюро следующим образом. Мини-

мальные потребности населения в продовольствии исчислялись в среднем в 20 пудов хлебных продуктов на едока ежегодно: 13 пудов — на личное потребление, 7 пудов — на прокорм скота. Указанный объём потребления обеспечивал человеческий организм 2,5 тыс. калорий ежедневно, сельскохозяйственный же работник требовал как минимум 3,5 тыс. калорий в сутки.

Таким образом, ни о какой высокой производительности труда в подобных условиях питания не могло быть и речи. В 1922 году наличный чистый сбор хлебов составил 13 пудов на едока, из них около 3 пудов изымалось в виде налога. Остаток в виде 10 пудов на едока был вдвое меньшим минимально определённой потребности населения в хлебных продуктах. По статистическим данным на 1913 год, рядовой сельский обыватель потреблял 20—25 пудов хлебных продуктов ежегодно. Таким образом, констатируем факт того, что в начале 1920-х годов уровень потребления в 10 пудов на едока был менее ординарного как минимум вдвое.

Другие продовольственные расчёты комиссии заключались в следующем. В довоенное время сельское население региона потребляло в среднем порядка 50 пудов различной пищи (35 пудов растительной пищи, в том числе 25 пудов муки и 15 пудов продуктов животного происхождения). В феврале 1922 года общий объём потребляемой пищи сократился до 35 пудов, в том числе до 10 пудов хлебных продуктов в переводе на зерно. Продовольственная безопасность населения оказалась под угрозой. В 1922 году голодающими (употребляющими в пищу различного рода хлебные суррогаты) были признаны 7 % населения Кузбасса. Таким образом, по всем расчётам очевидным было в среднем 50 %-е сокращение потребительской корзины в регионе [Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 219—223, 225—226, 287—288].

В отечественной историографии достаточно хорошо исследована проблема «голода» в России в начале 1920-х годах [Поляков, 2007, 735 с.; Зима, 2015, 239 с.; Просеков, 2018, с. 83—103]. Уже зимой — весной 1919/20 годов в целом ряде губерний Центрального региона страны, Поволжья, Северного Кавказа, Украины наметились его первые признаки [Барсенков, 2010, с. 119]. В кузбасском регионе продовольственная ситуация была не менее напряжённой. Согласно исследованию питания сельского населения, проведённому в начале 1920-х годов, в зимне-весенний период 1920 года в европейской России на одного взрослого едока приходилось 3,5 тыс. калорий; в кузбасском регионе в феврале 1922 года — около 3 тыс. [Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 285].

Подводя некоторые промежуточные итоги, стоит отметить, что кузбасская деревня начала 1920-х годов, как и российская в целом, находилась в самом плачевном состоянии. Значительная часть пахотных земель не

подлежала сельскохозяйственной обработке, пребывая в запустении. Селяне, производившие продовольственные ресурсы, в условиях социально-экономической и общественно-политической нестабильности предпочитали укрывать его в ожидании наступления лучших времён. Существенная часть зерна отправлялась на курение самогона — единственной твёрдой валюты на тот момент времени.

Среди ряда проблем сельской жизни начала 1920-х годах отдельно следует упомянуть проблему самогонварения и его распространения среди селян. Указанная проблема таила в себе тройное зло. Во-первых, на выгонку вина уходило довольно значительное количество зерна, во-вторых, под винными парами селяне были склонны к совершению хулиганских актов, а употребление вина представителями партийных и советских органов дискредитировало последние; наконец, массовое употребление вина существенно нарушало трудовую дисциплину, снижая производительность труда. В этой связи борьба местных органов власти с самогонварением и его распространением была одной из самых актуальных в кузбасской деревне 1920-х годах [Неизвестный Кузбасс, 2005, с. 12—13].

В стране и регионе назревал голод. Новая власть в попытках решения острейшего на тот момент времени продовольственного вопроса пыталась воздействовать на крестьянское население совокупностью мер как агитационного, так и нормативно-репрессивного характера. В начале 1920-х годов в силу целого ряда негативных обстоятельств общественно-политического, социально-экономического и климатического характера (неурожаи 1920 и 1921 годов, отсутствие посевного материала, последствия гражданской войны, продовольственная развёрстка, износ и обветшание сельскохозяйственного инвентаря, дороговизна кредита, хаотичность рынка, наконец, общая психологическая неуверенность в завтрашнем дне и опасения отъёма или обобществления результатов труда) селяне существенно сократили запашку посевных площадей.

Общую негативную ситуацию в кузбасской деревне осложняло значительное количество крестьян-переселенцев, к началу 1920-х годов ещё недостаточно адаптировавшихся к местным условиям хозяйствования. На момент «октябрьской революции» половину всех сельских жителей региона составлял именно этот «маргинальный» контингент, не имевший прочных основ хозяйствования и являвший собой по сути дела сельский пролетариат [Народное хозяйство Томской губернии: Первый отчёт, 1922, с. 66—67]. Именно они, прежде всего, стали социальной опорой коммунистов в деревне. Несомненно, они и составили основной контингент молодых советских коллективных хозяйств.

Таким образом, как в отдельных регионах страны, так и в Кузбассе, налицо был полномасштабный кризис сельскохозяйственного производства, и власть обязана была приложить все усилия, чтобы способствовать скорейшему восстановлению крестьянской запашки в полном объёме. Информационная сводка Щегловского уездного политбюро за вторую половину мая 1921 года в связи с отсутствием семян для сева и элементарных продуктов и предметов первой необходимости характеризовала настроение всех слоёв крестьянского населения в уезде как «угрожающее». Особо подчёркивалось, что без удовлетворения насущных витальных потребностей крестьян «никто и ничто их дух поднять не сможет», причём вследствие затруднительного продовольственного положения «бедняки все больше и больше спаиваются с кулаками» [Шуранова, 2002, с. 88].

Весной-летом 1921 года в Щегловский уездный партийный комитет из Красной, Смолинской, Баяновской, Подонинской и др. волостей поступали критические сообщения о крайне негативных настроениях крестьян: население «сильно волнуется, т. к. сильная голодовка и весенний сезон подходит, а семян нет... партийные выписываются из партии»; «население требует семена и угрожает продагентам и представителям власти»; отношение крестьян к советской власти «неблагонадёжное», а «на партию крестьяне озлобленные»; «беднота страшно смущена от голоду и есть угроза голодного бунта, которому противостоять вряд ли будет возможность, поскольку голодают семьи вооруженных коммунаров, а комячейки не уверены в том, что кто-то не сделает на них нападение и не перебьет их» [Там же]. 27 мая 1921 года заведующий Кузнецким политбюро докладывал в Томскую ГубЧК: «Недостаток отпущенного для посева из Госфонда зерна, голод и господство кулаков толкают крестьянские массы на преступление. По Кузнецкому уезду крестьянские массы самочинно разгрузили из вспомогательных ссыпунктов десять тысяч пудов забронированного зерна. Агитационные пути и аресты зачинщиков не смогли предотвратить самочинных действий» [Там же, с. 88—90].

В начале июля 1921 года председатель Щегловского уездного исполкома «по прямому проводу» докладывал председателям губисполкома и Сибревкома «о крайне серьезном положении в Баяновской, Крапивинской и Мунгатской волостях». «Хлеба нет, население — преимущественно беднота, нетрудоспособные инвалиды и семьи красноармейцев — голодает. Практически все излишки продовольствия в этом районе, пораженным частично засухой и кобылкой, были взяты по разверстке, проводившейся весьма жестко, а остатки собраны вначале бандой Олиферова, потом преследующими ее красноармейцами. Похоже, что хлеба не было даже у ку-

лаков, обычно с успехом его прятавших. При этом неподалеку от села Крапивино располагался принадлежавший Гублескому склад, в котором зерно портилось на глазах у голодных. Рядом в тайге находились банды, которым сочувствовали члены комячеек, одни сознательно, другие — под страхом смерти (семьи коммунистов не менее остро нуждались в продовольствии, поэтому надеяться на вооруженные партиейки особенно не приходилось). Организованные для борьбы с бандитами комотряды, состоявшие преимущественно из бывших партизан, участвовали в массовых грабежах и убийствах. Члены Баяновского и председатель Крапивинского волисполкомов спаслись бегством в Щегловск, туда же направилась и часть населения — требовать хлеба у уездных властей» [Шуранова, 2002, с. 88]. В результате, в качестве единственно возможного выхода во избежание «махновщины», особое совещание уездных руководителей рекомендовало выдать нуждающимся часть хлебных запасов (две тысячи пудов ржи и овса) со складов Гублескома [Там же, с. 88—89].

Справедливости ради стоит отметить, что крестьянство, будучи в массе своей аполитичным, выступало не против коммунистической власти, но за собственное пропитание. В тех местах, где было что сеять и виды на урожай были благоприятными, общественная обстановка была относительно стабильной. К примеру, инструктор Щегловского комитета РКП (б) по Вагановской волости в середине июля 1921 года сообщал в местный уездный комитет: «Всё [настроения местных крестьян] изменилось потому, что после пяти лет неурожая на полях показался хлеб, и все взоры крестьян устремлены на него как на счастье, и больше ни об чем не думая хоть бы что» [Шуранова, 2002, с. 90].

4. Заключение

Итак, в самом начале 1920-х годов, после революции и гражданской войны, сельское хозяйство кузбасского региона оказалось в глубоком кризисе. Как нам представляется, не столько социально-политические события гражданской войны, сколько природно-климатические катаклизмы послужили главной причиной сельскохозяйственного кризиса начала 1920-х годов. Первые лишь усилили его глубину и осложнили выход из него. Вместе с тем именно решение продовольственного вопроса, без преувеличения, было решением вопроса сохранения коммунистами власти, завоеванной на фронтах гражданской войны. Мы не можем ручаться за абсолютную достоверность приведённых в статье статистических сведений. Статорганы в начале 1920-х годов предполагали значительное занижение крестьянами предоставляемых ими количественных сведений о состоянии

сельского хозяйства [Народное хозяйство Томской губернии: отчет, 1923, с. 223—224]. В любом случае ситуация явно требовала серьезных и срочных правительственных мер регулирования положения в аграрной сфере: как в области производства, так и в области его учёта.

Источники и принятые сокращения

1. *Алтайско-Томская* часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года : материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г., собранные и разработанные под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. — Томск : Красное знамя, 1927. — 215 с.
2. *Кузбасс* в период восстановления народного хозяйства: 1920—1926 : сборник документов. — Кемерово : Книжное издательство, 1966. — 183 с.
3. *Народное хозяйство* Томской губернии : отчет Томгубэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год. — Томск, 1923. — 1009 с.
4. *Народное хозяйство* Томской губернии : первый отчет Губэкономсовещания Совнаркому и СТО. — Томск : Типо-литография Томской железной дороги, 1922. — 642 с.
5. *Неизвестный Кузбасс*: сборник архивных документов. — Кемерово : ИНТ, 2005. — Вып. 3. Крестьянство Кузбасса (1925—1941). — 266 с.
6. ОТГ, 1894 — *Обзор* Томской губернии за 1893 год. — Томск : Губернская типография, 1894. — 75 с.
7. ОТГ, 1895 — *Обзор* Томской губернии за 1894 год. — Томск : Губернская типография, 1895. — 48 с.
8. ОТГ, 1896 — *Обзор* Томской губернии за 1895 год. — Томск : Губернская типография, 1896. — 50 с.
9. ОТГ, 1897 — *Обзор* Томской губернии за 1896 год. — Томск : Губернская типография, 1897. — 52 с.
10. ОТГ, 1898 — *Обзор* Томской губернии за 1897 год. — Томск : Типография губернского правления, 1898. — 40 с.
11. ОТГ, 1899 — *Обзор* Томской губернии за 1898 год. — Томск : Типография губернского правления, 1899. — 42 с.
12. ОТГ, 1900 — *Обзор* Томской губернии за 1899 год. — Томск : Губернская типография, 1900. — 41 с.
13. ОТГ, 1901 — *Обзор* Томской губернии за 1900 год. — Томск : Губернская типография, 1901. — 54 с.
14. ОТГ, 1902 — *Обзор* Томской губернии за 1901 год. — Томск : Губернская типография, 1902. — 55 с.
15. *Сибирская Вандея* : документы. — Москва : Демократия, 2000. — Том 1. 1919—1920. — 664 с.
16. *Сибирский коммунист* : общественно-политическая газета. — Томск, 1920.
17. *Советская деревня глазами ВЧК* — ОГПУ — НКВД : 1918—1939 : документы и материалы в 4 томах. — Москва : РОССПЭН, 2000. — Том 1 : 1918—1922. — 864 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барсенков А. С.* История России, 1917—2009 / А. С. Барсенков, А. Вдовин. — Москва : Аспект-Пресс, 2010. — 846 с.

2. *Зима В. Ф.* Голод 1921—1922 гг. в Советской России : власть и церковь / В. Ф. Зима. — Москва : Собрание, 2015. — 239 с.
3. *Поляков В. А.* Голод в Поволжье, 1919—1925 гг. : происхождение, особенности, последствия / В. А. Поляков. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. — 735 с.
4. *Просеков А. Ю.* Проблемы продовольственных кризисов России и опыт их решения / А. Ю. Просеков. — Кемерово : КемТИПП, 2018. — 240 с.
5. *Шуранова Е. Н.* «Голод аннулирует наши распоряжения...»: Власть и крестьянство Сибири при переходе к НЭПу / Е. Н. Шуранова // *Сибирь. XX век : межвузовский сборник научных трудов.* — Кемерово, 2002. — С. 84—92.

AGRICULTURE OF KUZBASS REGION IN EARLY 1920s: FEATURES OF DEVELOPMENT IN CONTEXT OF AGRARIAN POLICY OF RCP (B) AND CONSEQUENCES OF CIVIL WAR¹

© **Alexey Yu. Karpinets (2020)**, orcid.org/0000-0002-1711-9732, SPIN 8914-8710, PhD in History, researcher, Laboratory of History of Southern Siberia, Department of Humanitarian Research, Institute of Human Ecology, Federal State Budget Scientific Institution “The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”; associate professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), naukarpinets@mail.ru.

© **Maria G. Leukhova (2020)**, orcid.org/0000-0002-5891-2737, SPIN 5271-6878, PhD in History, associate professor, Vice-Rector for Youth Policy and Public Communications, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University” (Kemerovo, Russia), leukhova@kemsu.ru.

The article is devoted to the characterization of the crisis in the agriculture of the Kuzbass region in the early 1920s. Moreover, they are analyzed in the context of the consequences of the revolution and civil war. The issues of the dynamics of sown areas and animal husbandry in this territory are considered. Based on the analysis of statistical data, the volumes and structure of the peasant plow and regional herd are presented. The question is raised about the correlation of natural, climatic and socio-political factors in the conditions of the agricultural crisis of the early 1920s. The novelty of the study is that for the first time based on the processing of statistics, the state and dynamics of the main agricultural sectors in the Kuzbass region (Kuzbass) in the specified period are presented. The relevance of the study is due to its scientific and social significance. The first is determined by the fact that this kind of research, based on the analysis of statistical data, is carried out for the first time. The second is connected with the need to draw attention to the problems of sustainable socio-economic development of rural territories at present.

Key words: Kuzbass region (Kuzbass); revolutionary process; Civil War; Agriculture; socio-economic crisis.

¹ The study was carried out as part of the RFBR scientific project No. 20-49-420006 “Civil War in Kuzbass (1917–1922). Background, course, consequences: conceptual understanding and reconstruction of the turning point in the history of the region.”

MATERIAL RESOURCES

- altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym selskokhozyaystvennoy perepisi 1916 goda: materialy selskokhozyaystvennoy perepisi 1916 g., sobrannyye i razrabotannyye pod ruk. i red. V. Ya. Nagnibeda.* (1927). Tomsk: Krasnoye znamy. (In Russ.).
- Kuzbass v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva: 1920—1926: sbornik dokumentov.* (1966). Kemerovo: Knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Narodnoye khozyaystvo Tomskoy gubernii: otchet Tomgubekonomsveshchaniya Sovnarkomu i STO za 1922 god.* (1923). Tomsk. (In Russ.).
- Narodnoye khozyaystvo Tomskoy gubernii: pervyy otchet Gubekonomsveshchaniya Sovnarkomu i STO.* (1922). Tomsk: Tipo-litografiya Tomskoy zheleznoy dorogi. (In Russ.).
- Neizvestnyy Kuzbass: sbornik arkhivnykh dokumentov. 3 Krestyanstvo Kuzbassa (1925—1941).* (2005). Kemerovo: INT. (In Russ.).
- OTG, 1894 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1893 god.* (1894). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1895 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1894 god.* (1895). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1896 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1895 god.* (1896). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1897 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1896 god.* (1897). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1898 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1897 god.* (1898). Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1899 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1898 god.* (1899). Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya. (In Russ.).
- OTG, 1900 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1899 god.* (1900). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- OTG, 1901 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1900 god.* (1901). — Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
- OTG, 1902 — *Obzor Tomskoy gubernii za 1901 god.* (1902). Tomsk: Gubernskaya tipografiya. (In Russ.).
- Sibirskaya Vandeya: dokumenty. 1. 1919—1920.* (2000). Moskva: Demokratiya. (In Russ.).
- Sibirskiy kommunist: obshchestvenno-politicheskaya gazeta.* (1920). Tomsk,. (In Russ.).
- Sovetskaya derevnya glazami VChK — OGPU — NKVD: 1918—1939: dokumenty i materialy. 4/1 : 1918—1922.* (2000). Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

REFERENCES

- Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I. (2010). *Istoriya Rossii, 1917—2009.* Moskva: Aspekt-Press. (In Russ.).
- Polyakov, B. A. (2007). *Golod v Povolzhe, 1919—1925 gg.: proiskhozhdeniye, osobennosti, posledstviya.* Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Prosekov, A. Yu. (2018). *Problemy prodovolstvennykh krizisov Rossii i opyt ikh resheniya.* Kemerovo: KemTIPP. (In Russ.).
- Shuranova, E. N. (2002). «Golod annuliruet nashi rasporyazheniya...»: Vlast' i krestyanstvo Sibiri pri perekhode k NEPu. In: *Sibir'. XX vek: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov.* Kemerovo. 84—92. (In Russ.).
- Zima, V. F. (2015). *Golod 1921—1922 gg. V Sovetskoy Rossii: vlast' i tserkov'.* Moskva: Sobraniye. (In Russ.).